

Пруссификація Германіи, ея історія, цѣли и слѣдствія.

Говоря о пруссификаціи Германіи, осуществившейся въ самомъ началѣ XIX столѣтія, Дешанель коснулся историческаго взгляда, представляющаго въ настоящій моментъ живѣйшій интересъ. 1914 годъ памятенъ, не только благодаря вспыскѣ исполинской войны, которая была навязана національностямъ, проникшимся миролюбивыми чувствами и намѣреніями, войной, предшествуемой угрозами тщательно обдуманнѣмъ и лицемѣрнѣмъ коварствомъ; войной, задуманной властью, не замедлившей явить Европѣ зрѣлище чудовищнаго варварства и попранія всѣхъ правъ. Что за неожиданный анахронизмъ въ XX вѣкѣ! Современное дѣяніе Вильгельма II есть въ то же самое время дѣло его генераловъ и солдатъ. Онъ сдѣлалъ это національной задачей, а покорные ему подданные одобрили его. Покоряющая военная сила поработила и подчинила себѣ народъ и произвела переворотъ въ умахъ его.

Кромѣ того, 1914 годъ является столѣтней годовщиной, и мы, зрители великой драмы нашихъ дней, находимъ начальныя признаки ея въ событіяхъ 1814 года. Тогда уже начиналось броженіе, прелюдія этой драмы. Въ 1870 году разыгралось первое ея дѣйствіе, состоявшее изъ ужаснаго поединка въ присутствіи нѣмыхъ свидѣтелей. Тогда Пруссія сумѣла объединить вокругъ себя остальныя нѣмецкія силы государства и повелѣвала ими, а благодаря ихъ безпрекословному послушанію она вышла побѣдительницей. Она терзала свою жертву для того, чтобы заставить обливаться кровью ея сердце, біеніе котораго она не могла задуть въ своихъ объятіяхъ. Жизненная сила безсмертной Франціи не была подорвана; ударъ былъ не смертельный, осталось только зіяющая рана. Дѣйствіе кончается апоѳеозомъ объединенной Германіи, пассивнѣмъ подчиненіемъ королевствъ и княжествъ.

trice resta silencieuse. Pour elle, avec la constitution du nouvel Empire d'Allemagne, avait surgi un danger.

En 1914 commence le second acte sur la scène, non plus seulement de l'Europe, mais on peut dire du monde entier. Il débute par l'imposition de la guerre à l'Europe pacifique, par la destruction des traités, par la violation de neutralités, par des actes de la barbarie la plus féroce. C'est l'Allemagne prussifiée qui entre ainsi en scène, incarnant le génie du mal. Ses vassaux obéissent à sa voix et participent à son oeuvre. La voilà l'Allemagne prussifiée tout entière complice de son macabre maître et tyran; elle s'élance à l'assaut de la civilisation. Et anxieux, nous assistons à ce grand et dernier acte du drame, nous attendons son dénouement.

Cette guerre de légitime défense s'est transformée en guerre de libération. Notre France figure sur la scène non plus isolée comme précédemment, mais unie aux puissances résolues à mettre un frein à l'orgueil et à l'ambition sans bornes de cette Allemagne moderne pervertie au point de célébrer ses crimes et de s'en montrer fière. N'oublions pas, n'oublions jamais, quel fut Celui qui tira la France de son isolement et la prépara ainsi à partager avec la Russie le rôle le plus beau qu'une nation puisse jouer: celui de soutien du droit, de la liberté et de l'honneur. L'Empereur Alexandre III, précurseur de l'Alliance Franco-Russe, a compris le danger pour l'Europe d'une Allemagne omnipotente. Appréciateur avisé des qualités de la France, grand facteur des idées généreuses et instruit des errements de l'Allemagne, Il a inauguré une politique loyale et fait surgir une réciproque sympathie qui rapprocha l'Occident de l'Orient. Sa conception élevée trouva un écho chaleureux en France.

L'Auguste Fils d'Alexandre III transforma le rapprochement en une féconde Alliance. L'Angleterre, revendiquant l'honneur de sauvegarder le droit attaqué, se joignit à nous et le Japon voulut, lui aussi, se montrer le champion de la civilisation moderne. Se joignant à cette croisade pour la justice, l'héroïque Belgique s'est sacrifiée pour sauver les alliés et par eux cette noble victime doit être et sera vengée.

Cette union est le rempart de l'Europe contre la catastrophe qui la menace d'une épouvantable ruine. Le monde ému attend le dénouement de ces scènes terribles où le carnage des batailles est accompagné d'immolations de victimes innocentes et éclairé des lueurs d'incendies sacri-

Прошлое, исторія и индивидуальность этихъ государствъ были принесены въ жертву для того, чтобы осуществить мечту Бисмарка: Пруссія полная владычица Германіи. Децентрализація Германіи, принесена въ жертву Пруссіи. Въ концѣ этого дѣйствія падаетъ занавѣсъ изъ траурнаго крепа. А Европа осталась безмолвной зрительницей. Съ образованіемъ новой Германской Имперіи для нея возникла опасность.

Въ 1914 году начинается разыгрываться второе дѣйствіе, и не только на европейскихъ подмосткахъ, а можно сказать на подмосткахъ всего свѣта. Оно открывается вспышкой войны въ мирной Европѣ, уничтоженіемъ договоровъ, нарушеніемъ нейтралитетовъ, самыми явными звѣрствами. Такимъ образомъ, пруссификованная Германія, проявляется на сценѣ, воплощая въ себѣ генія зла. Ея вассалы идутъ на ея призывъ и принимаютъ участіе въ ея дѣлѣ. Вотъ она, пруссификованная Германія, сообщница своего повелителя, убійцы и тирана; она приступомъ идетъ на цивилизацію. И мы съ тревогой присутствуемъ при великомъ и послѣднемъ дѣйствіи этой драмы, мы ждемъ ея развязки.

Эта законно оборонительная война превратилась въ войну освободительную. Наша Франція выступаетъ на сцену не въ одиночествѣ, какъ это было раньше, но въ союзѣ съ государствами, рѣшившими положить конецъ безграничному высокомерію и заносчивости современной Германіи, до того развращенной, что она способна прославлять свои преступления и гордиться ими. Не забудемъ, никогда не забудемъ Того, кто вывелъ Францію изъ ея одиночества и, такимъ образомъ, приготовилъ ее, вмѣстѣ съ Россіей, сыграть самую прекрасную роль, которая когда либо выпадала на долю націи; а именно, быть опорой права, свободы и чести. Императоръ Александръ III, предвѣстникъ Франко-Русскаго Союза, понялъ, какъ опасна Европѣ всемогущая Германія. Тонкій цѣнитель достоинствъ Франціи, большой знатокъ гуманныхъ идей и германскихъ заблужденій, онъ держался законной политики и вызвалъ взаимную симпатію, сблизившую Западъ съ Востокомъ. Такой возвышенный образъ мыслей встрѣтилъ во Франціи живой откликъ.

Это сближеніе Августѣйшій Сынъ Александра III преобразовалъ въ плодотворный Союзъ. Отстаивая честь поправленныхъ правъ, Англія присоединилась къ намъ, а Японія тоже пожелала показать себя борцомъ за современную цивилизацію. Присоединившись къ этому крестовому походу въ защиту правды, героическая Бельгія принесла себя въ жертву, чтобы спасти союзниковъ и они должны отомстить и отомстятъ врагу за это благородное самопожертвованіе.

lèges. Cet acte non achevé, le drame de 1914—1915 a déjà prouvé à quel degré de décadence morale et de retour à la sauvagerie l'Allemagne prussifiée est descendue.

Pour bien saisir cette défiguration de l'Allemagne subjuguée par la Prusse, il ne s'agit pas de défendre individuellement les différentes puissances qui formaient la confédération de l'Allemagne du Nord formée en 1867 de 21 Etats qui déjà ne conservaient qu'une apparence d'autonomie mais dont la réalité du pouvoir appartenait à la Prusse. Des lors ces Etats perdirent leurs caractères, leurs tendances individuelles abandonnant leur destinée à des mains peu sûres. Après les événements de la guerre de 1870, à la constitution de la confédération de l'Allemagne du Nord, la Prusse fit succéder le 1er Avril 1871, la constitution de l'Empire Allemand qui lui assurait le gouvernement de l'Allemagne tout entière.

Maintenant il faut démontrer que 1914 est un centenaire et comme une préface à l'action constante qui, après les phases de 1867 et de 1871, a conduit au bouleversement actuel. C'est en 1814 que s'affirme devant l'Europe la volonté prussienne de s'imposer au reste de l'Allemagne pour se l'assimiler, lui imposer sa „Kultur“ et étouffer toute indépendance.

Pour bien saisir l'omnipotence du militarisme prussien, devenu le militarisme allemand, il faut connaître son processus et c'est sur ce point que je désire insister. De 1808 à 1814 les universités allemandes rompirent avec la culture françaises pour préconiser une „Kultur“ uniquement germanique.

En 1814 un correspondant de Vienne écrivait à Madame de Staël: „On entrevoit bien des choses à craindre et l'on apprend à se consoler d'être français en tremblant pour les Allemands.“ Evidemment ce correspondant craignait pour l'Allemagne la domination de la Prusse. Il ajoute: „ce qui me paraît plus rassurant, c'est la division de l'Allemagne en petits Etats qui peuvent rompre l'unanimité révolutionnaire et surtout le caractère du peuple qui paraît ami de l'ordre et de la tranquillité. Cependant ce peuple peut devenir terrible: il est moins facile à agiter que le nôtre; mais aussi est-il moins facile à calmer.“¹⁾ La révolution en question s'est l'unification de l'Allemagne par la Prusse; la sauvegarde de l'Allemagne s'est sa division en petits Etats.

¹⁾ A. Chuquet. L'année 1814, p. 463.

Для Европы союзъ является оплотомъ противъ катастрофы, грозящей ей гибельнымъ разрушеніемъ. Потрясенный міръ ждетъ развязки этихъ ужасныхъ сценъ, когда опустошенія во время боя сопровождаются убійствомъ невинныхъ жертвъ и освѣщаются заревомъ кощунственныхъ пожаровъ. Последнее дѣйствіе еще не кончено, а драма 1914—1915 гг. уже показала, до какой степени нравственнаго паденія и возврата къ дикости дошла пруссификованная Германія.

Чтобы какъ слѣдуетъ усвоить себѣ измѣненіе, происшедшее въ Германіи подъ давленіемъ Пруссіи, недостаточно знать, что нужно охранять отдѣльно каждое изъ 21-го государства, образовавшихъ союзъ въ 1867 году. Они сохранили лишь внѣшніе признаки самоуправленія, а на самомъ дѣлѣ власть надъ ними принадлежала Пруссіи. Съ тѣхъ поръ эти государства утратили свой характеръ, свои особыя свойства, и отдали свою судьбу въ ненадежныя руки. Послѣ военныхъ событій 1870 года, когда былъ учрежденъ сѣверо-германскій союзъ, 1-го Апрѣля 1871 года Пруссія явилась наслѣдницей вновь образованной Германской Имперіи, давшей ей власть надъ всей Германіей.

Теперь слѣдуетъ указать, что 1914 годъ является годовщиной, и какъ на предисловіе къ создавшемуся положенію укажемъ на перемѣны 1867 и 1871 гг., которыя и повели къ теперешнему потрясенію. Именно въ 1814 году въ Европѣ утвердилась прусская власть, взявшая на себя первую роль, чтобы подчинить себѣ всю остальную Германію, предписать ей свою „Kultur“ и задушить всякую независимость.

Чтобы усвоить себѣ всемогущество прусскаго милитаризма, ставшаго германскимъ милитаризмомъ, нужно знать, какъ онъ сложился, и я хочу остановиться именно на этомъ вопросѣ. Съ 1808 до 1814 г. нѣмецкіе университеты порвали всякую связь съ французской культурой для того, чтобы провозгласить исключительно германскую „Kultur“.

Въ 1814 году одно лицо пишетъ изъ Вьны къ Г-жѣ де Сталь: „Въ будущемъ можно многого опасаться, но можно успокоиться, чувствуя себя Французомъ и трепетать за Нѣмцевъ“. Очевидно это лицо боялось за Германію, имѣя въ виду господство Пруссіи. Оно прибавляетъ: „что меня утѣшаетъ, такъ это раздѣленіе Германіи на мелкія государства, которыя сумѣютъ сломить революціонное единогласіе, а особенно характеръ народа, повидимому любящаго порядокъ и спокойствіе. Но все таки этотъ народъ можетъ сдѣлаться страшнымъ: его нельзя такъ легко взволновать, какъ нашъ, но зато его нельзя такъ скоро успокоить“. ¹⁾ Революція, о которой идетъ рѣчь, есть объеди-

¹⁾ А. Шюкз. 1814 годъ. Стр. 463.

Le danger prussien apparaît avec une admirable clareté dans les instructions que Louis XVIII remit à Talleyrand pour les Ambassadeurs du Roi au Congrès de Vienne. Elles sont très suggestives et pleines de prévoyance. En voici un passage: „En Italie, c'est l'Autriche qu'il faut empêcher de dominer; en Allemagne, c'est la Prusse. La construction physique de sa monarchie lui fait de l'ambition une sorte de nécessité. Tout prétexte lui est bon. Nul scrupule ne l'arrête. La convenance est son droit. C'est ainsi que dans un cours de soixante trois années, elle a porté sa population de moins de quatre millions de sujets à dix millions, et qu'elle est parvenue à se former, si l'on peut ainsi parler un cadre de monarchie immense, acquérant çà et là, des territoires épars, qu'elle tend à réunir en s'incorporant ceux qui les séparent. La chute terrible que lui a attirée son ambition ne l'en a pas corrigée. En ce moment, ses émissaires et ses partisans agitent l'Allemagne, lui peignant la France comme prête à l'envahir encore, la Prusse comme seule en état de la défendre et demandant qu'on la lui livre pour la préserver. Elle aurait voulu avoir la Belgique. Elle veut avoir tout ce qui est entre les frontières actuelles de la France, la Meuse et le Rhin. Elle veut de Luxembourg. Tout est perdu si Mayence ne lui est pas donné. Elle ne peut avoir de sécurité si elle ne possède pas la Saxe. Les alliés ont, dit-on, pris l'arrangement de la replacer dans le même état de puissance où elle était avant sa chute, c'est à dire avec dix millions de sujets. Qu'on la laissât faire, bientôt elle en aurait vingt et l'Allemagne tout entière lui serait soumise. Il est donc nécessaire de mettre un frein à son ambition, en restreignant d'abord, autant qu'il est possible, son état de possession en Allemagne, et ensuite en restreignant son influence par l'organisation fédérale.“¹⁾

Les visées de la Prusse sont démasquées dans ce factum de 1814 et c'est en 1914 que le Roi de Prusse, Empereur d'Allemagne, tente le couronnement des projets ambicieux ci dessus énoncés.

Les ambassadeurs de Louis XVIII au Congrès de Vienne adressèrent au Ministre des Affaires Etrangères à Paris un aperçu fort instructif qui indique ce qu'était la caste militaire de Prusse en 1814.

„Il y a une autre considération qui nous détermine à engager le Roi à refuser sa sanction et à faire offrir des secours efficaces pour empêcher l'anéantissement de la maison de Saxe et la réunion de ce pays à la Prusse. Cette considération est puisée dans l'esprit révolution-

¹⁾ Mémoires du Prince de Talleyrand., II., p. 243.

неніе Германіи подѣ властью Пруссіи; спасеніе Германіи—это раздѣль ея на мелкія государства.

Прусская опасность съ поразительной ясностью выступаетъ въ указахъ Людовика XVIII, переданныхъ Талейрану для представителей короля на вѣнскомъ конгрессѣ. Они очень поучительны и полны предусмотрительности. Вотъ одинъ отрывокъ: „въ Италіи нужно препятствовать господству Австріи; въ Германіи Пруссіи. По вѣнскому устройству этой державы властолюбіе является для нея своего рода необходимостью. Ей годится всякая отговорка. Ее не остановитъ никакое сомнѣніе. Выгода ея право. Такимъ образомъ въ теченіе 63 лѣтъ она увеличила свое населеніе меньше чѣмъ съ 4 милліоновъ до 10 милліоновъ подданныхъ, и ей удалось составить, если можно такъ выразиться, планъ обширной монархіи, то тамъ, то здѣсь приобрѣтающей разрозненныя территоріи, которыя она стремится объединить, присоединяя къ себѣ раздѣляющія ихъ области. Ужасное крушеніе, къ которому привело ее такое властолюбіе, не исправило ее. Въ настоящую минуту ея развѣдчики и добровольцы возбуждаютъ Германію, изображая Францію почти завоеванной, а Пруссію ея единственной защитницей, и просятъ отдать Францію въ руки Пруссіи для ея же спасенія. Ей хотѣлось завладѣть Бельгіей. Она хотеть имѣть все, заключающееся между теперешними границами Франціи, Маасомъ и Рейномъ. Она хотеть имѣть Люксембургъ. Все будетъ потеряно, если ей не дадутъ Майнца. Она не успокоится, если не будетъ владѣть Саксоніей. Говорятъ, союзники рѣшили вернуть ее къ той самой власти, которая у нея была до ея паденія, а именно—къ десяти милліонамъ подданныхъ. Пусть ее предоставятъ самой себѣ, и скоро ихъ будетъ двадцать и вся Германія ей подчинится. Значить, прежде всего нужно обуздать ея властолюбіе, на сколько возможно сокративши ея владычество въ Германіи, а затѣмъ ограничивъ ея вліяніе посредствомъ союзныхъ организацій“¹⁾.

Намѣренія Пруссіи были разоблачены событіями 1814 г., а въ 1914 г. король Пруссіи, императоръ германскій пытается увѣнчать успѣхомъ вышеупомянутые честолюбивые замыслы.

На вѣнскомъ конгрессѣ представители Людовика XVIII представили министру иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ очень поучительный обзоръ, показывающій, чѣмъ была военная каста въ 1814 году.

„Мы по другому соображенію рѣшаемся предложить королю отказать отъ своего согласія и предложить дѣйствительную помощь для того, чтобы помѣшать уничтоженію саксонскаго дома и присоеди-

¹⁾ Мемуары кн. Талейрана, II, стр. 243.

naire que nous observons en Allemagne et qui porte un caractère tout particulier. Ici ce n'est point la lutte du tiers état avec les classes privilégiées, qui fait naître la fermentation. Ce sont les prétentions de l'amour-propre d'une noblesse militaire et autrefois indépendante, qui, préparant le foyer et les éléments d'une révolution, préférerait obtenir une existence dans un grand Etat et ne pas appartenir à des pays morcelés et à des souverains qu'elle regarde comme des égaux. A la tête de ce parti se trouvent tous les princes et nobles médiatisés; ils cherchent à fondre l'Allemagne en une seule monarchie, pour y entrer dans le rôle d'une grande représentation aristocratique. La Prusse qui a fort habilement flatté tout ce parti, l'a rattaché à son char, en lui faisant espérer une partie des anciens privilèges dont il jouissait. On peut donc être persuadé que si la Prusse parvenait à réunir la Saxe et à s'approprier de côté et d'autre des territoires isolés, elle formerait, en peu d'années, une monarchie militaire fort dangereuse pour ses voisins; et rien, dans cette supposition, ne la servirait mieux que ce grand nombre de têtes exaltées qui, sous le prétexte de chercher une patrie, la créeraient par les plus funestes bouleversements. Il est du plus grand intérêt d'empêcher ces projets et de seconder l'Autriche pour pouvoir s'y opposer avec succès. Cette détermination de la part du Roi aidera encore à faire rompre à l'Autriche, à la Bavière, les liens qui les tiennent attachées à la coalition, et cette considération est bien importante dans la situation actuelle de la France.¹⁾

En méditant aujourd'hui ces lignes qui datent de cent ans, on éprouve le sentiment que le danger se montrait dès lors sans dissimulation et dans toute son étendue. Maintenant la Prusse a formé cette monarchie militaire dangereuse pour ses voisins et le grand nombre de têtes exaltées existe toujours, mais avec des ambitions agrandies. Jadis les Teutons pronostiquaient ce que Bülow affirmait récemment à savoir: „La Prusse est le soubassement de l'Empire allemand... elle est l'Etat national allemand.“

L'Europe a laissé en 1870 et depuis se parachever l'oeuvre qu'elle est obligée de combattre actuellement. L'Europe entière était sournoisement soumise à une infiltration méthodique d'éléments dissimulés sous toutes les formes de l'espionnage. Cette oeuvre c'est le règne absolu de la force brutale armée contre le droit et la civilisation. Pour cela, tout est mis au service d'une ambition démesurée ayant atteint un tel degré que dans ses manifestations, elle dégénère en folie.

¹⁾ Mémoires du Prince de Talleyrand, II. p. 360.

ненію къ Пруссіи этой страны. Это соображеніе основывается на революціонномъ духѣ, наблюдаемомъ нами въ Германіи и носящемъ совершенно своеобразный характеръ. Здѣсь броженіе порождаетъ вовсе не борьба третьяго сословія съ привилегированными классами. Это честолюбивые замыслы когда то независимой, военной аристократіи, которая, готова очаги и элементы революціи, предпочла бы существованіе въ великомъ государствѣ жизни въ разрозненной странѣ государей, которыхъ она считаетъ себѣ равными. Во главѣ этой партіи стоятъ всѣ принцы и присоединившаяся къ государству знать; они стараются сковать Германію въ единую монархію, чтобы играть въ ней роль великихъ представителей аристократіи. Пруссія, сумѣвшая ловко льстить всей этой партіи, привлекла ее къ своей побѣдной колесницѣ, давъ ей возможность надѣяться на возстановленіе старинныхъ привилегій, которыми она когда то пользовалась. Значить можно быть увѣреннымъ въ томъ, что если бы Пруссіи удалось присоединить Саксонію и съ двухъ сторонъ овладѣть разрозненными территориями, она въ нѣсколько лѣтъ образовала бы очень опасную для сосѣдей военную монархію; а допуская это, ничто не могло бы лучше служить ей, какъ такое большое количество горячихъ головъ, которыя, подъ предлогомъ поисковъ родины, путемъ самыхъ печальныхъ переворотовъ создали бы эту монархію. Поэтому представляется большой интересъ въ томъ, чтобы разрушить эти планы и помочь Австріи, чтобы имѣть возможность успѣшно бороться съ нею. Такое рѣшеніе короля еще разъ поможетъ Австріи и Баваріи порвать узы, соединяющія ихъ съ коалиціей, и это рѣшеніе очень важно при современномъ положеніи Франціи¹⁾

Въ наши дни, размышляя объ этихъ строкахъ, которымъ исполнилось ровно сто лѣтъ, чувствуешь, что и тогда мерещилась опасность, непритворная и въ полномъ своемъ объемѣ. Теперь Пруссія основала опасную для сосѣдей военную монархію, а большое количество горячихъ головъ существуетъ и теперь, но съ повышеннымъ честолюбіемъ. Когда то тевтоны предрекли то, что недавно утверждалъ Бюловъ, а именно: „Пруссія есть фундаментъ германской имперіи.... она есть національное нѣмецкое государство.“

Въ 1870 г. у Европы осталась задача, которую она обязана завершить и за которую борется въ настоящее время. Вся Европа была втайнѣ подчинена послѣдовательной инфильтраціи элементовъ, скрытыхъ подъ всѣми видами шпіонства. Эта задача есть безграничная власть вооруженной грубой силы надъ правомъ и цивилизаціей. По-

¹ Мемуары кн. Талейрана, II, стр. 360.

Cet état moral a été très bien défini par M. André Beaunier: ¹⁾ „Eh! bien, tandis qu' Ostwald et Lasson proclament éperdument la sur-humanité germanique et se démènent au service d'une sauvage absurdité, nos philosophes examinent très posément ce cas d'aliénation mentale, cet accident psychologique et historique: un peuple entier, depuis son empereur jusqu'au dernier de ses négociants, pris de déraison et qui devient le fléau du genre humain tant qu'on ne l'a pas maîtrisé.“

Comme l'a si bien exprimé M. Charles Benoist, membre de l'Institut et député de Paris, il y a un lien intime entre le cerveau qui dicte et la main qui agit sous son impulsion, l'un et l'autre obéissant à un fanatisme malfaisant. Les intellectuels d'outre Rhin, dit-il, ne se trompent pas et ne trompent plus personne quand ils racrochent la Kultur allemande au militarisme allemand et l'identifient avec lui. ²⁾

La Kultur allemande est la docile servante, l'humble esclave du militarisme allemand qui, dès le temps de paix ou dès le premier jour de la guerre, pour le succès de ses plans, mobilise tout, ses espions comme ses cuistres. Ceux-ci entrent dans nos académies comme ceux là dans nos cuisines, obséquieux et l'échine pliée.

Il faut ajouter que cette „Kultur“ allemande a été prussifiée: elle fait corps avec le militarisme allemand prussifié; elle a obéi parceque le roi de Prusse, Empereur d'Allemagne, le désirait, son ami Harnack le demandait, l'Etat major l'exigeait et si pour tous Guillaume II est le maître, pour tel ou tel, il est, de plus, le bienfaiteur.

Après avoir crée l'hégémonie de l'Allemagne, celle-ci voudrait organiser l'Europe, c'est M. Ostwald qui le déclare. Comme l'Europe rétrograde, selon lui, n'entend pas se laisser organiser par elle, l'Allemagne est bien obligée de lui imposer l'organisation par la force et c'est pour cela qu'elle a crée de toutes pièces son colossal militarisme que M. Ostwald, ce soi disant pacifiste, ne désavoue pas, bien au contraire, puisqu'il le proclame l'instrument nécessaire pour atteindre le but visé par sa patrie.

Nous savons par les derniers mois de guerre ce que cache ce mot: organiser. Nous connaissons les actions criminelles multipliées par les armées allemandes et nous connaissons par les cerveaux allemands la pensée, l'idéologie allemande.

¹⁾ Nos intellectuel et les leurs. Figaro. 14 Déc. 1914.

²⁾ Charles Benoist. 93 intellectuels d'Outre-Rhin. (Echo de Paris).

этому все должно служить безграничному властолюбію, достигшему такой степени развитія, что въ томъ, какъ она проявляется, она вы- рождается уже въ безуміе.

Это нравственное состояніе очень хорошо опредѣлилъ Андрэ Бонье: ¹⁾ „Такъ вотъ, когда Оствальдъ и Лассонъ страстно проповѣдуютъ сверхъ-человѣчность германизма и посвящаютъ себя служенію дикому безсмыслию, наши философы степенно изучаютъ этотъ случай умоизступленія, этотъ историко-психологическій случай; цѣлый народъ, начиная съ императора и кончая послѣднимъ торговцемъ, впадаетъ въ безуміе и становится бичемъ рода человѣческаго до тѣхъ поръ, пока не удастся его побѣдить.“

По удачному опредѣленію Шарля Бенуа, члена института и депутата Парижа, существуетъ тѣснѣйшая связь между мозгомъ, направляющимъ руку и исполняющею его приказанія рукою, когда и тотъ, и другая дѣйствуютъ подъ вліяніемъ зловреднаго фанатизма. Онъ говоритъ, что „находящіеся по ту сторону Рейна интеллигенты не обманываются и никого больше не обманутъ, когда пристегиваютъ нѣмецкую Kultur къ нѣмецкому милитаризму и отождествляютъ ихъ.“ ²⁾

Нѣмецкая Kultur—это скромная служанка, покорная раба нѣмецкаго милитаризма, она какъ въ мирное время, такъ и въ первые же дни войны для успѣшнаго выполненія своихъ плановъ мобилизуетъ все, начиная со шпионовъ и кончая училищными сторожами. Рабски-почтительно сгибая спины, первые проникаютъ въ наши академіи, а послѣдніе—въ наши кухни.

Нужно прибавить, что эта нѣмецкая „Kultur“ была пруссифи-кована; она срослась съ пруссификованнымъ нѣмецкимъ милитаризмомъ; она подчинялась, потому что этого хотѣлъ прусскій король, императоръ Германіи, потому что объ этомъ просилъ другъ его, Гарнакъ, а генеральный штабъ требовалъ этого, и если для всѣхъ Вильгельмъ II есть государь, то для иныхъ онъ, кромѣ того, еще и благодѣтель.

Германія, создавшая эту гегемонію, захотѣла перестроить Европу, а Оствальдъ заявилъ объ этомъ открыто. Такъ какъ, по его мнѣнію, отсталая Европа сама не допускаетъ этого переустройства, Германія вынуждена силой заставить ее принять это его переустройство, и для этого то она и создала изъ отдѣльныхъ своихъ государствъ тотъ чудовищный милитаризмъ, котораго не отрицаетъ и Оствальдъ, этотъ мнимый пацифистъ; онъ, наоборотъ, открыто считаетъ милита-

¹⁾ Наши и ихъ интеллигенты, Фигаро, 14 Дек. 1914.

²⁾ Ш. Бенуа. 93 интеллигента изъ-за Рейна (Echo de Paris).

Ces intellectuels ont déchaîné les atrocités de la présente guerre; ils ont empoisonné l'esprit public allemand. Cette théorie que „la force crée le droit“ est le produit de l'enseignement des universités allemandes comme la théorie du „droit de nécessité“ d'où découle cette odieuse maxime „que la guerre ne saurait être conduite d'une manière contraire à ses fins.“

Le docteur Eliot, l'éminent président honoraire de l'université Harvard, a fort bien fait ressortir dans le „New-York Times“ que pendant quarante ans les directeurs de l'éducation allemande ont mis en valeur cette idée que la force était la source de toute grandeur personnelle et nationale. L'objet de l'adoration de l'Allemagne devint: la force, le courage, l'énergie; que les faibles périssent, que les doux et les humbles s'inclinent devant les forts et les orgueilleux. Le monde est toujours avec le plus fort; le plus fort doit être le maître.

A la religion de la force tout allemand doit une obéissance absolue et le sacrifice de sa liberté individuelle. L'allemand moderne est toujours contrôlé, dirigé, commandé et aspire à son tour à commander et à discipliner ceux qui sont plus faibles que lui.

Et le D-r Eliot termine en estimant que toutes les nations doivent souhaiter la défaite de l'Allemagne en lui enlevant le désir de dominer le monde.

De cette collaboration de la caste militaire et de la caste enseignante est né l'état moral de nos ennemis. Les générations actuelles ont été formées dans cet esprit. En somme, un bien-être matériel, protégé par une force armée puissante, semblait caractériser la situation de l'Allemagne qui avait étendu partout son activité dévorante. Etant donné cette prépondérance commerciale et industrielle, nous nous demandions qu'elle était la signification de la guerre actuelle. M. Henri Bergson dans la séance publique de l'Académie des sciences morales, a magnifiquement dépeint cette signification. Dans un magistral exposé, il montre ce qui s'est passé depuis un demi siècle au de là du Rhin et il constate que „le jour où le militarisme prussien devenu militarisme allemand fût allé rejoindre l'industrialisme. c'étaient l'industrie et le commerce de l'ennemi, sources de sa richesse, que la guerre devait viser en même temps que sa puissance militaire.“ Et le philosophe d'ajouter: nous avons sous les yeux une barbarie scientifique et une barbarie systématique qui s'est renforcée en captant les forces de la civilisation.

ризмъ необходимымъ орудіемъ для достиженія цѣлей, намѣченныхъ родиною.

Въ послѣдніе мѣсяцы войны мы поняли, что скрывается подъ словомъ „переустроить“; мы знаемъ множество преступленій, совершенныхъ германскими полчищами и знаемъ нѣмецкій образъ мыслей, нѣмецкую идеологию.

Эти-то интеллигенты и выпустили на свободу всѣ дикости теперешней войны; они отравили нѣмецкое общественное мнѣніе. Теорія, по которой „сила создаетъ право“, возникла, какъ послѣдствіе преподаванія въ нѣмецкихъ университетахъ, вмѣстѣ съ теоріей „права необходимости“, изъ которой вытекаетъ ужасающее правило: „что война не можетъ быть ведена способами, противорѣчащими ея цѣлямъ.“

Въ „New-York Times“ докторъ Эліотъ, знаменитый почетный предсѣдатель Гарвардскаго университета, очень хорошо опредѣлилъ, что руководители нѣмецкаго воспитанія въ теченіи сорока лѣтъ больше всего настаивали на той мысли, что сила является источникомъ всякаго личнаго и національнаго величія. Въ Германіи сила, храбрость, энергія становятся предметами поклоненія; пусть слабые погибнуть, пусть нѣжные и кроткіе преклонятся передъ сильными и гордыми. Жизнь остается за сильнѣйшими, господствовать долженъ сильнѣйшій.

Этой то религіи силы каждый нѣмецъ долженъ нести полное послушаніе и жертвовать ей свою личную свободу. Современнаго нѣмца всегда провѣряютъ, направляютъ, имъ руководятъ и требуютъ, чтобы онъ въ свою очередь направлялъ и подчинялъ тѣхъ, кто слабѣе его.

Д-ръ Эліотъ кончаетъ, предполагая, что всѣ народности должны желать пораженія Германіи, отнявъ у нея желаніе властвовать надъ міромъ.

Отъ такой совмѣстной работы военнаго класса и класса преподавателей и сложился нравственный обликъ нашихъ враговъ. Современныя поколѣнія развились въ этомъ направленіи. Въ итогъ отличительной чертой современнаго положенія Германіи, повсюду распространившей свою всепоглащающую дѣятельность, является матеріальное благосостояніе, защищаемое могущественной вооруженной силой. Указавъ на это торговое и промышленное преимущество, спрашивается, каково же значеніе современной войны. На публичномъ засѣданіи Академіи нравственныхъ наукъ Анри Бергсонъ великолѣпно опредѣлилъ это значеніе. Въ своемъ поучительномъ сообщеніи, дѣлая обзоръ того, что произошло по ту сторону Рейна за послѣдніе полстолѣтія, онъ указываетъ, что „въ тотъ день, когда прусскій милитаризмъ, ставшій милитаризмомъ германскимъ, заключилъ союзъ съ торговлей и промышленностью врага, этими источниками его богатства, вотъ что

Puis il pose cette question: Que serait une humanité où la force brutale tiendrait lieu de force morale? Et il y répond.

„Pour tenter l'expérience, il y avait un peuple prédestiné. La Prusse avait été militarisée par ses Rois: l'Allemagne avait été militarisée par la Prusse: une nation puissante était là, marchant à la mécanique. Mécanisme administratif et mécanisme militaire n'attendaient que l'application du mécanisme industriel pour se combiner avec lui. La combinaison une fois faite, une machine formidable se dresserait. Elle n'aurait qu'à se déclencher pour entraîner les autres peuples à la suite de l'Allemagne, assujettis au même mouvement, prisonniers du même mécanisme. Telle serait la signification de la guerre, le jour où l'Allemagne se déciderait à la déclarer.“

„Elle s'y décida; mais le résultat fut bien différent de ce qui avait été prévu. Car les forces morales qu'il s'agissait de soumettre aux puissances les plus voisines de la matière se révélèrent subitement créatrices de force matérielle. Une simple idée, la conception héroïque qu'un petit peuple s'était faite de l'honneur, lui permettait de tenir tête à un puissant empire. Au cri de la justice outragée, on vit sortir de terre, dans un pays qui s'était reposé sur sa flotte, un million, deux millions de soldats. Miracle plus grand encore: dans une nation qui s'était crue mortellement divisée avec elle-même, du jour au lendemain tous étaient redevenus frères.“¹⁾

L'Allemagne prussifiée s'est trompée. Elle a rêvé pour l'Europe une ère de despotisme sous sa férule et l'Europe lutte pour son salut.

L'Allemagne moderne pour les Anglais, pour les Russes, pour les Italiens, pour les Américains. pour nous, était, à cette date de 1914, une nation laborieuse et lourde, disciplinée et grossière que des hasards heureux, merveilleusement utilisés par un homme de génie, avaient conduite à une hégémonie toute guerrière. Il y a eu de grands écrivains, de grands artistes, des penseurs de premier ordre outre-Rhin avant l'Empire. Mais de son triomphe, l'Allemagne n'a tiré que des résultats d'ordre matériel. M. Paul Bourget, après avoir montré cette décadence morale des Allemands d'aujourd'hui, ajoute: „quel étonnement quand nous avons découvert l'étrange arrogance dans la quelle vivaient ces demi-barbares et qu'ils prenaient leur vigoureuse mais brutale puissance

¹⁾ Le Figaro du 13 Décembre 1914.

стало цѣлью войны наравнѣ съ военнымъ ея могуществомъ.“ И философъ прибавляетъ: „на нашихъ глазахъ происходитъ научное варварство, варварство планомѣрное, достигшее большого развитія, поглотивъ всѣ культурныя силы.“

Затѣмъ онъ ставитъ такой вопросъ: Что будетъ съ человѣчествомъ, если грубая сила займетъ мѣсто силы нравственной? И отвѣчаетъ на вопросъ этотъ:

„Провѣрка этого опыта была предназначена одному народу. Пруссія была милитаризована королями: Германія была милитаризована Пруссіей: тамъ была сильная нація, дѣйствовавшая механически. Механизмы—административный и военный ждали лишь примѣненія промышленнаго механизма для того, чтобы дѣйствовать согласованно. Разъ это сліяніе создалось, передъ нами воздвигалось значительное сооруженіе. Ему оставалось только открыть двери, чтобы увлечь вслѣдъ за Германіей другіе народы, подчиненные тому же движенію, находящіеся въ плѣну у того же самага механизма. Таково будетъ значеніе войны въ тотъ день, когда Германія рѣшится ее объявить.“

„На это она рѣшилась; но послѣдствія были совсѣмъ не такія, какъ она предполагала. Ибо внезапно возстали нравственныя силы, которыя требовалось подчинить матеріальной власти, и сами создали эту матеріальную силу. Простая мысль, героическое понятіе о чести у маленькаго народа, дала ему возможность сопротивляться могущественной имперіи. На призывъ оскорбленнаго правосудія въ странѣ, опирающейся на одинъ флотъ, словно изъ подъ земли выросъ миллионъ, два миллиона солдатъ. Еще бѣльшее чудо: въ странѣ, гдѣ повидимому, всѣ навѣки отвернулись другъ отъ друга, въ одинъ день всѣ вновь стали братьями.“¹⁾

Прусификованная Германія ошиблась. Подъ своимъ началомъ она мечтала создать въ Европѣ эру деспотизма, но Европа борется за свое спасеніе.

Для Англичанъ, для Русскихъ, Итальянцевъ, Американцевъ, для насъ въ 1914 году современная Германія была націей трудолюбивой, но тяжелой, выдержанной и грубой; благодаря счастливымъ случаямъ, которыми прекрасно воспользовался геніальный человѣкъ, она достигла чисто военнаго главенства. До имперіи по ту сторону Рейна были великіе писатели, великіе актеры, первоклассные мыслители. Но послѣ своихъ побѣдъ Германія дала результаты только матеріальнаго характера. Показавъ нравственное паденіе современныхъ нѣмцевъ, Поль Бурже прибавляетъ: „Какъ мы удивились, открывъ

¹⁾ Фигаро 13 Дек. 1914.

pour un type nouveau de civilisation!" Sa conclusion est telle: „Les Allemands ont rêvé une hégémonie non plus européenne mais mondiale. Il n'abdiqueront leur rêve que matés par une force qu'ils devront avouer supérieure.“¹⁾

Pour lui imposer cette hégémonie mondiale les Allemands ont pensé que l'Europe courberait la tête et serait matée par leurs forces invincibles. Pour substituer leur Kultur à celles qui n'étaient pas la leur, ils ont détruit pour anéantir ce qui n'était pas d'eux; ils ont volé pour s'approprier et soumettre à leur bon vouloir ce qui, par la beauté de son origine étrangère à eux, ne devait subsister que comme conquêtes ou trophées.

Le cambriolage avec effraction, à main armée, a été l'accompagnement voulu des massacres et des incendies. Ici une satisfaction sadique de la bestialité; là une opération avantageuse au point de vue profit.

„Nous savons maintenant, dit M. Montorgueil,²⁾ que cette armée alleuande où rien n'est livré au hasard a tout organisé même la barbarie de la guerre: qu'elle est suivie de fourgons pour les cambriolages et d'équipes d'incendiaires; qu'elle a rétabli l'antique et cruelle loi des captifs; qu'elle méconnaît le caractère sacré des blessés; qu'elle place devant le front de ses armées pour s'en couvrir devant le feu de l'ennemi, des femmes et des enfants. Et maintenant les Allemands ne nient plus, ils se glorifient de ce qui fait leur honte.“

Les témoignages abondent de la volonté préventive des barbares d'imprimer à leur guerre un caractère conforme à leurs instincts.

M. S. Pichon³⁾ l'affirme: „Ce qu'il y a de spécialement abominable dans ces manifestations de la barbarie germanique, c'est la préméditation et la méthode avec les quelles elles sont organisées. Elles ne surgissent pas de l'exaltation passagère de la bataille et de la surexitation des soldats dévoyés par la violence du combat, elles sont le produit d'un état d'âme, résultant d'un mot d'ordre, elles ont été soigneusement préparées, et pourvues des moyens d'action sans lesquels elles ne pourraient s'épanouir et se multiplier à ce degré.“

¹⁾ Paul Bourget. Les leçons de la guerre. XVII. L'Erreur Allemande. (Echo de Paris).

²⁾ L'Eclair du 14 Décembre 1914.

³⁾ Les preuves de la préméditation (Petit Journal).

странную надменность, въ которой жили эти полудикари, считая свое сильное, но грубое государство за новый видъ цивилизаціи!“ Его выводъ таковъ: „Нѣмцы мечтали не о европейскомъ, а о всемірномъ владычествѣ. Они откажутся отъ своей мечты только склонившись передъ силой, которую должны будутъ признать высшей.“¹⁾

Нѣмцы полагали, что по достиженіи этой всемірной гегемоніи Европа преклонится передъ ними и что они сокрушатъ ее своими непобѣдимыми силами. Чтобы насадить свою Kultur тамъ, гдѣ ее нѣтъ, они разрушили и уничтожили то, что имъ не принадлежало; для того, чтобы пріобрѣсти, они воровали то, что въ силу своей красоты, столь чуждой имъ, должно было существовать только какъ добыча или трофей.

Кража со взломомъ и съ оружіемъ въ рукахъ была желанной принадлежностью убійствъ и пожаровъ. Здѣсь—садическое удовлетвореніе животныхъ чувствъ; тамъ предпріятіе, удачное съ точки зрѣнія его выгоды.

„Теперь, говоритъ М. Монторгейль²⁾, мы, знаемъ, что въ германской арміи, гдѣ ничто не предоставляется случайности, создались всѣ жестокости войны; что за нею ѣдутъ фургоны для награбленнаго и всѣ приспособленія для поджоговъ; что она возродила древніе жестокіе законы для плѣнныхъ; что она отрицаетъ священныя права раненыхъ; что для прикрытія отъ непріятельскаго огня она ставитъ на фронтъ своихъ армій женщинъ и дѣтей. И теперь нѣмцы ужъ не возмущаются, они гордятся тѣмъ, что составляетъ ихъ позоръ.“

Есть безчисленныя доказательства того, что варвары умышленно придаютъ этой войнѣ характеръ, свойственный ихъ природнымъ задаткамъ.

С. Пишонъ³⁾ утверждаетъ: „Что особенно ужасно въ проявленіяхъ германскаго верварства, такъ это та обдуманность и стройность, съ которыми оно проводится въ жизнь. Оно не возникаетъ подъ вліяніемъ вызваннаго битвой мимолетнаго возбужденія или чрезмѣрнаго напряженія силъ солдатъ, отдавшихъ насилію сраженія, нѣтъ, оно является продуктомъ душевнаго состоянія, вызваннаго приказомъ, оно тщательно подготовлено, иначе такой образъ дѣйствій никогда не могъ бы развиваться и умножиться до такой степени.

¹⁾ П. Бурже. Уроки войны. XVIII. Ошибка Германіи. (Echo de Paris).

²⁾ L'Eclair, 14 Дек. 1914.

³⁾ Доказательства преднамѣренности. (Petit journal).

„On sait que les soldats allemands sont porteurs de tous les instruments de destruction nécessaires pour exécuter leur oeuvre de dévastation et de carnage: récipients de pétrole, bombes incendiaires, etc... On sait que toutes les mesures ont été prises par les officiers qui les commandent et les autorités qui les gouvernent pour assurer le pillage systématique des habitations privées, des magasins, des usines, et le transport en Allemagne des objets volés.“

Rien n'ayant été fait dans cette guerre sans ordre de la volonté suprême de Guillaume II, il demeure le grand inspirateur de tous ces actes criminels en général et des pillages en particulier. Sa famille s'est distinguée dans cet ordre d'idées. Des Princes pillards au XX-e siècle! Quel anachronisme! Tel est le résultat de la prussification. Que cette famille impériale des Hohenzolern, qui s'est appropriée militairement le bien d'autrui, méconnaissant les droits de la propriété et les lois de la guerre, abandonne sa devise: *suum cuique*—„à chacun son bien.“ Quand on fait mentir sa devise, on n'en est plus digne. Des richesses d'art ont été pillées en Belgique, en Pologne, en France et tous ceux qui en ont été dépouillés crient aux spoliateurs: *suum cuique*!

Aux yeux de l'Univers: Belges, Anglais, Français, Russes et Serbes étroitement unis contre le militarisme allemand prussifié, représentent *la conscience de l'humanité*, selon l'expression éloquente de l'Académicien Emile Faguet. ¹⁾

Nous vivons de l'adhésion des consciences humaines et de l'espérance dont le rayonnement, comme une couronne triomphale, brille au front de chacun des champions de la civilisation et du droit.

Baron de Baye.

¹⁾ Honnêtes gens par Emile Faguet.—Le Gaulois du 27 Décembre 1914.

„Извѣстно, что у всѣхъ нѣмецкихъ солдатъ есть всѣ необходимыя орудія для разрушенія и грабежа: сосуды съ керосиномъ, бомбы для поджога и т. д.... Извѣстно, что отдающими приказанія офицерами и ихъ высшими начальниками были приняты всѣ мѣры для того, чтобы обезпечить планомѣрный грабежъ частныхъ жилищъ, магазиновъ, фабрикъ и переправлять въ Германію награбленныя вещи.“

Въ этой войнѣ ничто не было сдѣлано безъ приказа отъ высшей власти—Вильгельма II, онъ остается великимъ руководителемъ всѣхъ этихъ преступныхъ дѣлъ вообще, а въ частности—грабежей. Его семья отличилась въ этомъ направленіи. Въ XX вѣкѣ—принцы-грабители! Какой анахронизмъ! Таковы послѣдствія пруссификаціи. Пусть императорская фамилія Гогенцоллерновъ, военнымъ путемъ присвоившая себѣ чужое добро, поправшая законы собственности и правила войны, откажется отъ своего девиза: *sum cuique*—„каждому свое.“ Когда девизъ становится лживымъ, люди ужъ не достойны носить его. Сокровища искусствъ были награблены въ Бельгіи, въ Польшѣ, во Франціи, и всѣ ограбленные зываютъ къ грабителямъ: *sum cuique!*

На глазахъ всей Вселенной Бельгійцы, Англичане, Французы Русскіе и Сербы, въ тѣсномъ союзѣ противъ германскаго пруссификованнаго милитаризма, представляютъ изъ себя, по краснорѣчивому опредѣленію академика Эмиля Фугэ, *человѣческую совѣсть*.¹⁾

Мы живемъ, не отступая отъ челоѣческой совѣсти, и надежда, какъ побѣдный вѣнецъ, блеститъ на челѣ у каждаго борца за цивилизацію и право.

Баронъ де Бай.

¹⁾ Честные люди, Эмиля Фугэ—Le Gaulois 27 Декабря 1914.